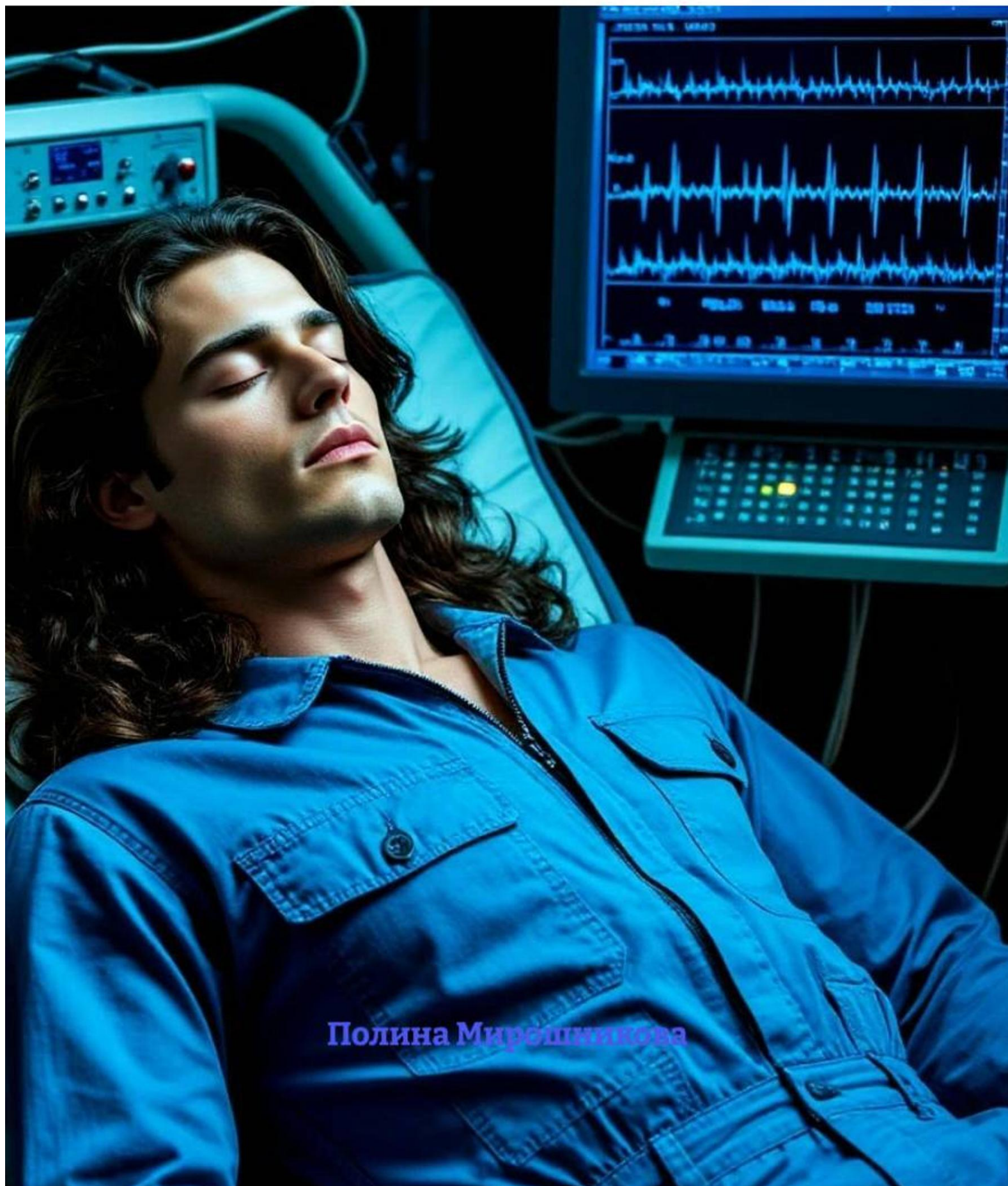

Эффект Дельта

Полина Мирошникова

Полина Мирошникова

Эффект Дельта

«Автор»

2026

Мирошникова П.

Эффект Дельта / П. Мирошникова — «Автор», 2026

В мегаполисе будущего сон - дефицитный ресурс, а клиника «Рубикон» — приют для тех, чей мозг страдает от недосыпа. Но талантливый врач Нина видит страшную правду: в стерильных стенах элитной клиники не лечат. Здесь лишь имитируют заботу, а пациенты медленно угасают. Нина решается на взлом системы. Втайне от руководства она находит инженера Марка. Они создают «Дельту» — устройство, стимулирующее глубокий сон. Технология буквально прочищает синапсы мозга во сне, возвращая людям ясность мышления и здоровый сон. Авиагигант выкупает патенты Нины и Марка, чтобы внедрить эту технологию для своих пассажиров. Мир, десятилетиями живший в тумане недосыпа, начинает высыпаться. «Дельта» перезагрузила человеческий сон, подарив людям суперпродуктивность. Нина понимает, ей удалось сжать глубокий сон, и ее «Дельта» прописывает ясность в нейронах каждого спящего.

© Мирошникова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Блеск «Рубикона». Встреча в тени	7
Глава 2. Подключение к «Рубикону». Двойной порт	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Полина Мирошникова

Эффект Дельта

От автора

Все события и персонажи в романе являются вымышленными. Но в основу описанной технологии легли реальные научные данные, в частности работа: Ngo, H.V. et al. «Auditory closed-loop stimulation of the sleep slow oscillation enhances memory» (Neuron, 2013).

Медицинские технологии, описанные в произведении, адаптированы для художественного сюжета и не могут быть использованы для самолечения или диагностики. Методы находятся на стадии экспериментальных разработок.

Пролог

Город проснулся, так и не отдохнув. Прохожие на ходу глотали утренний кофе в надежде на горькую эйфорию — ритуал удовольствия или отчаянная попытка обмануть мозг, чтобы забыть об усталости и рассеять туман сна. Но самообман временный: через пару часов долг сна обнаружится, и накроет с двойной силой. Невыспавшийся мир жил в кредит, занимая бодрость у будущего под чудовищные проценты.

В вагоне метро Нина видела серые лица, сонные взгляды и смартфоны, бьющие в глаза синим светом. Она отвернулась к окну, предвидя финал этой гонки, где привычный недосып стал разменной монетой в сделке с собственной памятью. В клинике «Рубикон», в стерильной тишине 302-й палаты, её ждал пациент Аркадий Семенович — человек, чей лимит доверия у собственного мозга был исчерпан. Его болезнь Альцгеймера не была случайностью, жизнь выставила ему трагичный счет за десятилетия разорванного ночного покоя.

Прямо сейчас этот поезд метро несся в такое же безмолвие, дребезжа на поворотах и задыхаясь в тоннеле. Миллионы людей в нем совершали ту же ошибку: они выжигали свой ресурс сна ради лишнего часа бодрствования, не подозревая, что каждая ночь недосыпа оставляет невидимый налет в глубине их мозга. Налет, который однажды может превратить их «Я» в пустую, растерянную оболочку.

Глава 1. Блеск «Рубикона». Встреча в тени

Утро в клинике «Рубикон» было пронизано синим светом, запахом элитных антисептиков и холодом строгой дисциплины. В белом халате, с дорогим стетоскопом, словно украшением на шее, Нина шла по сверкающему стеклянными стенами коридору мимо палат-сьютов, где за полупрозрачными дверьми угадывались очертания кожаных кресел и плазменных панелей. Всё вокруг было совершенным. На каждом шагу красовались логотипы фарм-гигантов, имена врачей на дверях сверкали золотом на холодном металле. Клиника сияла, как витрина люксовых брендов.

Нина на мгновение замерла перед зеркалом в холле, поправляя воротник халата. В мерцающем свете коридора она казалась хрупким силуэтом. Темные волосы, гладко зачесанные и собранные в тугий узел на затылке, подчеркивали бледность кожи — следствие сотен часов, проведенных под искусственным светом.

— Нина Александровна, ваш пропуск регистрирует опоздание через пять минут, если не отметитесь на посту, — напомнил текст вежливого уведомления на смарт-браслете. Система искусственного интеллекта следила за каждым шагом персонала. Но за этим фасадом совершенства Нина видела иную реальность. В «Рубиконе» не лечили — здесь «предоставляли медицинский сервис премиум-класса».

Она заглянула в 302-ю палату. Там в глубоком кресле у панорамного окна сидел ее пациент, профессор математики, когда-то — блестящий ученый, виртуозный исследователь хаоса, теперь — беспомощный старик, который не помнил имени своего сына. В его глазах, где раньше отражались бесконечные ряды Фурье, теперь плескалось лишь серое бессмысленное безмолвие. Редкие седые волосы, аккуратно зачесанные назад персоналом клиники, обнажали пергаментную бледность висков. Его руки гения — длинные, тонкие пальцы теперь бессмысленно перебирали край пледа.

Пациента вели здесь по стандарту клиники — «Рубиновому протоколу» за сорок тысяч евро в месяц. Нина знала: за эти деньги Аркадий Семенович получит лишь комфортное забвение, стерильный покой, поддерживающие капельницы и вежливое равнодушие персонала. Курс не давал прогресса — он консервировал его угасание в этом дорогом вакууме, превращая распад великого разума в высокооплачиваемую процедуру ожидания конца. Розовый состав раствора, который медленно вливался в вены профессора из капельниц, не рассеивал мягкие сумерки его сознания и больше напоминал «путешествие в вечный закат», чем рубиновое исцеление.

Она сама видела на снимках МРТ, как в его мозге копится ядовитый белковый мусор — липкие сгустки внутреннего бета-амилоида. Их тени расплзались мазутными пятнами по карте коры, неумолимо обрывая контакты и забивая доступ к логам памяти в гиппокампе. Личность больного медленно растворялась в амилоидном налете.

Мысль о том, что таким пациентам срочно нужен новый метод лечения не оставляла вот уже три года, все время ее ординатуры. Если бы только она знала как запустить в мозге этот очищающий процесс — научиться бы вымывать этот проклятый амилоид, как вязкую грязь из каналов. Переживая за пациентов и потерянных родственников, Нина отчаянно искала решение. По вечерам дома и в свободные минуты в ординаторской она открывала сайты с публикациями коллег всего мира, охотясь за любой зацепкой. Но в «Рубиконе» новаторство стало вне регламента — оно не вписывалось в его роскошный сервис, выверенный маркетологами. Здесь цифры в чеках были весомее, чем выводы в статьях передового края науки.

— Доктор Соколова, проходите, — главврач Тамара Игоревна стояла у высокого окна своего кабинета, ее присутствие здесь ощущалось раньше, чем она открывала рот. Аромат альдегидных духов вползал во все точки пространства, как ядовитый туман; он был

настолько густым, что словно физически вытеснял из легких кислород. Её халат казался ослепительно-белым, а лучи восходящего солнца, запутавшись в платиновой укладке, дробились на тяжелые кровавые отсветы. На парковке внизу Тамару Игоревну уже ждал матово-черный Бентли с заведенным мотором. За рулем сидел представитель корпорации — тот самый человек, что навязал клинике «Рубикон» самые неэффективные в мире «рубиновые протоколы». Он держал руки на руле так же уверенно, как держал за горло всё руководство клиники.

— Присаживайтесь. Поговорим о вашей самодеятельности.

Со стен кабинета поблескивали дипломы и сертификаты в тонких позолоченных рамах. На дубовом столе остывал ароматный кофе в белоснежной чашке из тончайшего фарфора. Утренний луч солнца коснулся ее золотого узора, Нина прикрыла глаза.

— Тамара Игоревна, доброе утро! — Нина осторожно присела на край кожаного кресла.

Тамара Игоревна гипнотизировала свой безупречный маникюр: идеально отполированные ногти сверкали ртутным блеском.

— Соколова, у вас обход через пять минут, — сухо произнесла главврач. — Почему вы еще не в отделении?

— Я по поводу профессора из триста второй. «Рубиновый протокол» не дает результата. — Нина качнула ногой, голос её дрожал от волнения. — Тамара Игоревна, посмотрите эту статью! Коллеги доказали: если восстановить глубокую фазу сна, можно запустить очистку амилоида в мозге! Это ведь жизненно важно для пациента с Альцгеймером!

Нина достала из кармана смартфон. На экране высветилась публикация: «Самоочищение мозга в фазу медленного сна». Буквы прыгали перед глазами. Это было оно.

— В глубоком сне дельта-ритм электрических волн мозга запускает очистку его межклеточного пространства. Вот эта технология в статье позволяет стимулировать дельта-волны. Это шанс для наших пациентов, Тамара Игоревна! Мы сможем вымывать им амилоид каждую ночь, — быстро, почти захлебываясь от важности идеи, говорила Нина.

— Врачи уже прописывают пациентам простой сон! — хрипло усмехнулась Тамара Игоревна.

Нина торопливо поднесла смартфон почти к самому лицу главврача.

— Вот, взгляните на эти графики. Недостаток глубокого сна ведет к Альцгеймеру. Если мы научимся стимулировать дельта-волны, мы повысим эффективность лечения, — тараторила Нина, боясь что ее прервут на полуслове.

Тамара Игоревна медленно повернулась, пронизывая Нину холодным, как хромированный скальпель, взглядом.

— Соколова, деточка, — она прищурилась. — Вы работаете в лучшей частной клинике страны. Знаете, почему она лучшая?

— Потому что у нас есть ресурсы для современных инноваций? — с надеждой спросила Нина.

Тамара Игоревна коротко и сухо рассмеялась.

— Нет. Потому что мы продаем уверенность! Наши клиенты платят по прайсу за технологии, которые выверены страховщиками и одобрены нашими юристами. Маркетологи всё просчитали: запись пациентов на курс «Рубиновый протокол» расписан на полгода вперед. Ваша «дельта-ерунда» — в пакете премиальных услуг не предусмотрена!

— Но я не вижу динамики у пациента на этом протоколе! Профессор сегодня не узнал сына, он угасает на глазах! — Нина почти сорвалась на крик.

— Соколова, это биология, — Тамара Игоревна шагнула к двери, поправляя идеально сидящий халат. Её движения были плавными и бесшумными. — А экономика диктует, что вы должны выполнять должностные инструкции. За это вам платят зарплату, которой, насколько я помню, едва хватает на ваш кредит. Так что забудьте про ваши статьи. Идите и заполните карты. И не дай бог я увижу в назначениях хоть одну строчку не по регламенту.

Нина сжала пальцы на коленях, чувствуя, как немеют кончики. Слова протеста застряли в горле. Она посмотрела на Тамару Игоревну — холёную, уверенную, защищённую рубиновыми стандартами и графитовой тенью Бентли на парковке.

— Я поняла вас, Тамара Игоревна, — тихо произнесла Нина, глядя в пол. — Простите. Это были теоретические размышления. Я буду строго следовать протоколу.

— Вот и славно, — директриса победно улыбнулась, поправляя тяжёлый золотой браслет. — Вы перспективный врач, Нина Александровна. Не портите себе резюме фантазиями. Свободны.

Нина почти выбежала из роскошного кабинета, внутри всё горело от несправедливости. Она взглянула на смартфон — экран со статьей погас, оставив лишь её отражение на черном стекле: бледная, хрупкая, с огромными синими глазами, в которых плескалось отчаяние.

— Это невозможно! Я больше не могу так работать! — пронеслось в голове.

Словно в ответ, экран смартфона вспыхнул уведомлением: «Ваш платеж по кредиту будет списан через 24 часа. Недостаточно средств». Цифры в приложении банка проступили как приговор. Ежемесячный платёж по кредиту за квартиру съедал две трети её оклада, сумма долга висела над ней тяжелым камнем.

Нина стиснула зубы. Уйти сейчас означало потерять слишком много: репутацию, жилье и само право оставаться врачом. Но она знала, что сделает сегодня вечером. Она найдет того, кто написал эту статью, и узнает все подробности. А сейчас нужно идти на обход в люксовые палаты, дышать ровно и улыбаться, хотя внутри всё горит от невыносимого бессилия.

Ординаторская «Рубикона» к семи вечера опустела. Только Нина сидела за рабочим столом, судорожно вглядываясь в монитор компьютера. Лампы светили слишком ярко, словно выжигая последние остатки сил. Её пальцы, тонкие и гибкие, замерли над клавиатурой. На экране — пустая форма исходящего письма. Адрес получателя она выписала прямо из сноски главного автора в научной статье.

«Уважаемый доктор Волков... — Нина стерла. Слишком официально. — Коллега Марк...» — Слишком фамильярно.

«Здравствуйте. Я врач-невролог в частном медицинском центре. Прочла вашу работу о стимуляции дельта-волн глубокого сна. Мои наблюдения подтверждают: мы теряем пациентов из-за разрушения их архитектуры сна. Ваши расчеты по стимуляции — это ключ. Но в формуле на странице 4, кажется, не учтен индивидуальный сдвиг фазы ритмов. Я вывела поправочный коэффициент, основываясь на данных энцефалограмм моих пациентов...»

Нина запнулась. Если ИТ-отдел клиники просканирует такое письмо, её уволят до того, как письмо дойдет до сервера. «Разглашение конфиденциальных данных». Но она не писала имен. Только цифры. Только надежду. Она решительно стерла все строчки и написала снова.

«Я знаю, что ваша лаборатория сейчас работает над прототипом стимуляции сна. У меня есть алгоритм, чтобы сделать сигнал адресным. Если вам интересно — я готова показать расчеты. С уважением, Нина Соколова» — коротко написала она.

Нина замерла, глядя на кнопку «Отправить». Секунда сомнения — и она нажала клавишу. Экран мигнул, подтверждая отправку. Она тут же выключила компьютер, словно совершила преступление. Сердце колотилось у горла. Нина торопливо спустилась к гардеробу и натянула пальто, боясь оглянуться на камеры слежения. Увольнение с «волчьим билетом» и неподъемным долгом — вот что ждет ее, если Тамара Игоревна узнает, что Нина пишет научные гипотезы сторонней лаборатории. В кармане тревожно завибрировал смартфон. Нина вздрогнула, ожидая увидеть имя Тамары, но на экране высветился лаконичный ответ.

«Уважаемая коллега Соколова, я готов лично обсудить ваши расчёты. Приходите сегодня в 20:30. Адрес: 2-й Силикатный проезд, строение 4, этаж 3. Спросите Марка. Просьба соблюдать конфиденциальность».

Нина взглянула на часы. У неё сорок минут, чтобы пересечь город и оказаться в пром-зоне, где, судя по карте, не было ничего, кроме заброшенных складов и бродячих собак.

— Он же топчется в шаге от открытия, — прошептала она, оглядываясь на дверь. — Но ему не хватает клинических данных. Тех, что зашифрованы в «Рубиконе».

Время выбрано отлично — клиника уже закрыта для консультаций, а Тамара Игоревна наверняка уже заказывает десерт в дорогом ресторане, наслаждаясь своей безупречной жизнью и обществом влиятельного партнера на Бентли.

Нина спустилась в метро, чувствуя себя песчинкой в потоке людей. В вагоне пахло сыростью и металлом. Парень напротив дремал в окружении уткнувшихся в смартфоны соседей, покачиваясь в такт поезду. «Он просто спит, и даже не знает, что его мозг работает сейчас в крутом ритме очистки мозга. А мои пациенты лишены даже этого», — промелькнуло в голове у Нины.

Она открыла потертый блокнот. Вперемешку с рисунками, сделанными нервными штрихами на совещании, здесь были начерчены кривые электрических волн мозга в глубокую фазу сна. Ручка дрожала, когда она описывала их — те самые, которые Тамара Игоревна назвала «дельта-ерундой»: «Дельта-волны, частота от 0,5 до 4 Герц, NREM-сон, стадия 3».

На станции «Промышленная» эскалатор с металлическим треском вынес её на поверхность. Нина плотнее запахнула пальто, защищаясь от колючего зимнего холода. Здесь город резко менял облик. Вместо сверкающих витрин центра — ржавые заборы, обрывки проволоки и глухие стены ангаров.

Промзона встречала её лязгом далёких контейнеров и миганием тусклых фонарей — они горели через один, выхватывая из темноты обломки бетона и строительный мусор. 2-й Силикатный проезд напоминал декорации к фильму об апокалипсисе.

Нина сверилась с картой. Строение номер четыре оказалось угрюмым кирпичным зданием бывшего завода.

— Строение четыре... — прошептала она, подходя к бетонной машине с глазницами пустых окон. Лишь в одном из них мерцал электрический синий свет. Нина потянула за тяжелую ручку ржавой железной двери. Та поддалась с протяжным скрипом, открывая вид на крутую лестницу, уходящую в ледяную темноту.

На третьем этаже она замерла у массивного бронированного входа. Хромированная сталь и биометрический сканер — в этом бетонном склепе дверь выглядела чужеродным порталом. Нина вдавила кнопку электрического звонка: через секунду плотную тишину прорезали торопливые шаги и скрежет открываемых замков. Из приоткрытой двери хлынул запах сухого бетона и крепкого эспresso.

На пороге возник высокий мужчина в безразмерном черном худи. Каштановые волосы падали на бледное лицо волнистым контуром. В тонкой титановой оправе сверкнули линзы очков из плавленого кварца, словно льдины, берегущие его сетчатку от ядовито-синих лучей мониторов. Его теплые карие глаза, обведенные темными кругами недосыпа, впились в хрупкую фигуру Нины.

— Доктор Соколова? — он стоял, изучая её лицо сканирующим взглядом. Нина молча кивнула, изумленная открывшимся пространством за его спиной. Темный, бетонный зал с пятиметровыми потолками подавлял своей мощью. Оголенная проводка, тонкими черными змеями уходящая вверх, терялась в тенях. В огромном окне рассыпались огни ночного города, стена мониторов напротив заливала пол синим светом. Взгляд Нины мгновенно выхватил график синусоиды — мощной электрической дельта-волны, которая прорезала все экраны. В центре зала громоздился огромный металлический письменный стол. На его матовой пустой поверхности лежала лишь тонкая панель клавиатуры.

— Это я. Мне нужен Марк.

— Я Марк. Вы писали про алгоритм. Покажите ваши расчёты!

Игнорируя все формальности, Марк не предлагал кофе, горьким запахом которого был словно пропитан насквозь. Он подвел ее к массивному столу и коротким жестом пододвинул клавиатуру.

— Покажите. Где ваша «точка входа» в дельта-ритм?

Нина сбросила пальто, оставшись в строгом офисном платье. Ещё скованная удивлением, она коснулась клавиш — и оцепенение исчезло. Ее пальцы, едва коснувшись панели, перестали быть деревянными и замелькали со скоростью виртуозного пианиста. Она стремительно вбивала в его код свои строчки, и на экране вспыхивали обновленные расцвеченные карты мозга.

— Здесь, — она обвела стилусом лобную зону карты на стене-мониторе. — Видите эти клетки в форме звезд? Это уникальные клетки мозга — астроглия. В глубоком сне они сжимаются почти вдвое, открывая свободный путь потоку жидкостей. Вся эта «звездная сеть» превращается в живой лабиринт каналов, через которые ночью мозг вымывает из себя накопленный дневной мусор. Это и есть глимфатическая очистка в глубоком сне.

Нина обернулась к Марку, её глаза одержимо блеснули. Марк нахмурился, не отрывая взгляда от кода.

— Мусор? О чем вы?

— Об амилоиде, — Нина обернулась, её глаза одержимо блеснули в синем свете. — Это как вязкий полимер, Марк. Прозрачный клей, который забивает порты нейронов при Альцгеймере. Информация просто перестает проходить. Сначала лагает память, потом гаснет личность. Система виснет из-за физического засора в передаче данных.

Где-то далеко за стенами ангара глухо лязгнуло железо, эхо прокатилось под пятиметровым потолком. Марк нажал на кнопку. С тяжелым, стальным звуком на панорамное окно опустились жалюзи, окончательно превращая зал в герметичный бункер.

— Физический засор, значит... — Марк снова впился взглядом в монитор, где пульсировала синусоида. — И вы хотите использовать стимуляцию дельта-волн во время сна как насос для откачки этого клея амилоида из мозга у своих пациентов?

Нина качнула головой и сделала шаг к бирюзовой стене мониторов, её тень накрыла часть графиков.

— Если разогнать поток стимуляций дельта-волн, он начнет вымывать всё лишнее. Мозг услышит сигнал и сам включит режим стирки. Нам нужно только усилить амплитуду, Марк. Мы не лечим — мы даем системе команду на очистку.

Марк медленно поднял руку и коснулся пальцем светящейся синусоиды на экране. На экране вспыхнула формула расчета мощности.

— Да, всё верно! Мы стимулировали эти волны звуком, — воскликнул Марк, и в его голосе впервые прорезался азарт. — Подавали звуковые щелчки в наушники во время сна. Кора реагировала, мощность волн росла, но мы не понимали, куда уходит эта энергия. Она просто рассеивалась в системе!

Нина шагнула к нему почти вплотную. Бирюзовые блики мониторов превратили её лицо в строгую маску. Она обвела стилусом формулу мощности; начертанная переменная вспыхнула и разошлась по экрану неоновыми волнами, словно подчиняясь её воле.

— Эта энергия дельта-волн не должна рассеиваться, Марк. Мы пустим ее на пользу. Ваша прибавка мощности протолкнет жидкость через забитые каналы между клетками мозга. Мы заставим его сделать детокс системы на форсаже.

Нина провела стилусом по карте лобной доли мозга — под её жестом неоновая энергия запульсировала, смывая серые пятна, словно прозрачная волна, возвращая серой зоне первоначальную четкость.

Марк поправил очки.

— Чтобы усилить амплитуду дельты без разрушения нейронов, мне нужна ваша поправка, — он повернул голову к Нине, и в его кварцевых линзах отразился её блокнот. — Показывайте. Где ваш «коэффициент спасения»?

Нина ткнула цифровым пером в монитор, ставя золотую точку на ребро подъёма синусоиды; её жест был уверенным и резким. Она словно фиксировала мгновение, когда нарастала амплитуда дельта-волны, готовая пробить стену забвения.

— Звуковой щелчок стимула должен прозвучать точно на взлете дельта-волны. Этот импульс заставит нейроны вспыхнуть в унисон. Чем круче будет подъем, тем шире откроются каналы между клетками. Мы не просто стимулируем глубокий сон, Марк. Мы превращаем его в эффективный гидравлический насос.

Марк замер. В его очках-льдинах отразилось, как Нина стилусом перечеркивает его старые расчеты.

— Синхронизация... — прошептал он, и его пальцы уже летали по клавишам, внося правки. — Если мы попадем в этот ритм, система не просто заработает. Она поразит нас чистотой.

Нина резко перехватила его руку, останавливая бег пальцев.

— Вот именно! Бить нужно только в первую треть восходящей фазы — это окно возможности, — отчеканила она. — Сорок пять градусов до вершины. Опоздаем подать стимул на долю секунды — и мы не усилим волну, мы её погасим!

Она вывела на центральный экран пять энцефалограмм — пять бесконечных полос, друг над другом, испещренных синусоидами. Электроволны каждого пациента отличались неповторимым сдвигом фаз в ритмах, отражая их индивидуальность — цифровой почерк их угасающего разума.

— Вот в чем у вас проблема, Марк. Мозг каждого пациента звучит по-своему. У одного дельта-волна взлетает круто и быстро, у другого — тянется вяло и полого. С возрастом ритм затухает, фазы смещаются, превращаясь в бессвязный шум. Ваш монотонный протокол здесь бесполезен. Нужен адаптивный алгоритм — для каждой волны и для каждого пациента необходим индивидуальный расчет времени подачи стимула.

Нина стремительно подошла к мониторам и неоновый пульс его отблесков поплыл по ее платью и лицу.

— Стимул — он как серфер, Марк, — Нина резко взмахнула рукой вверх, повторяя изгиб графика. — Он должен оседлать волну в момент нарастания. Если упадет к подножию — резонанса не будет. Волна просто обрушится и размажет ритм.

Марк замер, его пальцы зависли над клавишами.

— Значит, — он наконец нажал Enter, и синусоида вспыхнула тревожным янтарём, — будем бить в самый разгон.

Марк дописывал уравнения Фурье прямо поверх её нейронных схем. Монитор заполнялся слоями формул и биологических терминов.

— Измените частоту на фазе вдоха — прошептала Нина. — Мы поймаем резонанс еще точнее. Марк, вы понимаете? Это не просто биоконтур, это система!

Марк медленно снял свои ледяные очки, его взгляд без линз показался Нине незащищенным.

— Если мы это сделаем, — тихо сказал Марк, не глядя на чертеж, — мой дед снова назовет меня по имени. Он научил меня всему, а теперь теперь он просто смотрит сквозь меня. Мой старик, — голос Марка внезапно стал тихим и лишился резкости. — Он был ведущим инженером в «Высоте». Строил приборы. А сейчас он не может вспомнить, как держать ложку. Проклятая болезнь Альцгеймера!

Марк развернул карту мозга своего деда. Нина подошла ближе, вглядываясь в монитор. Тамара Игоревна — эта платиновая Кобра — за такие эксперименты стерла бы её в стериль-

ную пыль, не оставив от её карьеры даже воспоминания. Но здесь, в синем полумраке лофта, рядом с Марком, она впервые почувствовала: у неё есть право на отчаянный биохакинг. Право спасать, а не просто обслуживать пациентов в стиле люкс.

Марк с почти ошутимой болью в глазах обернулся к Нине, это был взгляд человека, стоящего на краю отчаяния.

— Если мы вытащим его, — тихо произнёс он, — мы вытащим всех.

В этот момент смарт-браслет на запястье Нины коротко, тревожно завибрировал напоминанием. Она взглянула на дисплей. Цифры были неумолимы. Два часа расчетов пролетели быстрее, чем дельта сон профессора, оставив после себя сладковатый привкус дофамина — чистую радость найденного решения, которую не мог испортить даже страх перед Коброй.

— Мне пора, Марк. Скоро закроют метро, — Нина невольно коснулась сумки. Она вспомнила о своем полупустом счете: банк вот-вот должен был списать остаток за кредит, превращая заказ такси в непозволительную роскошь.

Марк оторвался от монитора. Его взгляд стал чуть мягче.

— Не беспокойтесь, Нина. Я подброшу. Мой борт доставит вас быстрее любого поезда.

— Спасибо, Марк. Вы очень выручите. Тут у вас снаружи как-то жутковато поежилась она.

— Но у меня условие: мы переходим на «ты», — в его голосе прозвучала директива.

— Хорошо, Марк. Давай на «ты», — тихо ответила Нина, кутаясь в теплый шарф.

Марк быстрым шагом пересек огромный зал и откуда-то из недр металлического шкафа вытянул длинное черное пальто. Плотный кашемир окутал его непроницаемым темным коконом. Пока Марк возился у шкафа, Нина пытливо сканировала его каменную пещеру. В углу, на низком столике, она заметила тяжелый фолиант в переплете из темной кожи. Нина не удержалась и приоткрыла кончиками пальцев шершавую обложку.

— Андреас Везалий? Из редкой коллекции? — шепнула она, узнавая характерный штрих гравюры.

— Искусная копия «De humani corporis fabrica», — бегло произнес Марк. — не выдает ошибку в коде уже почти пятьсот лет, — добавил он, поправляя свои кварцевые льдины. — Выходим?

Они вышли на морозный воздух. Марк поднял воротник, мгновенно сливаясь с тенями промзоны. Вокруг было жутко, но Нина ощутила как её страх растворяется: от Марка веяло надежностью — холодной и мощной, как гранит. Полы его дорогого пальто задевали грязный бетон ступеней, но ему было плевать на этот вызов «премиальности».

Марк открыл перед Ниной тяжелую дверь своего внедорожника. Она вдохнула запах дорогой кожи и металла. Как только дверь захлопнулась, уличный шум мгновенно отсекся, словно выключенный тумблером, оставив их в коконе из мягкого света приборной панели и едва слышного гула систем. Джип напоминал мобильный серверный узел: заднее сиденье завалено коробками с медными катушками и спутанными жгутами проводов. Широкое кресло впереди, на которое Марк усадил Нину, встретило ее откинутой спинкой и подогревом. Она невольно расслабилась — усталость подступала теплой, предательской волной. Мотор прогрелся, наполняя салон едва ощутимым, низким рокотом.

— Откуда у врача такая хватка в коде, Нина? — Марк пытливо всматривался в ее лицо в тусклом свете уличных фонарей и неоновом отблеске приборной панели. — Где ты этому так круто научилась?

— Мне мало стандартного софта для анализа энцефалограмм пациентов. Он слишком медленный и «мылит» сигнал. Пришлось самой разобраться, и писать драйвер, который видит каждый микровольт без задержек. Я не «училась кодить», я просто решала задачу выживания.

Нина откинула голову и почувствовала, что подголовник у затылка вибрирует на низких частотах. Она бросила вопросительный взгляд на Марка.

Он едва заметно улыбнулся — впервые за вечер. Эта мимолетная ироничная улыбка преобразила его лицо, наполнив карие глаза мягким, почти тёплым светом.

— Четыре герца, Нина, — тихо произнёс он. — Твой диапазон. Только стимулы идут не через ухо, а через затылочную кость. Помнишь Бетховена? Первый биохакер в истории. Когда он оглох, то прижимал один конец трости к роялю, а другой зажимал в зубах. Он слышал Девятую симфонию вибрирующими костями черепа.

Марк коснулся панели управления, и пульсация подголовника стала плотнее.

— Этот подголовник — акустический мост в обход слуха. Ему не нужны барабанные перепонки. Даже если кора мозга местами превратилась в руины, мы достучимся до системы. Мы работаем не с ушами, Нина. Мы работаем с резонансом.

Нина закрыла глаза, и почувствовала, как голова тяжелеет на «умном» подголовнике, эти мерные вибрации словно обнимали ее мозг. Только сейчас она осознала, как вымоталась за день. Словно все утомление дня обрушилось на нее бетонной плитой, парализуя тяжестью. Марк молча вел машину сквозь ночной зимний город; на стеклах его очков в стремительном ритме мелькали отблески встречных фар, превращая его взгляд в череду холодных вспышек.

Он мельком взглянул на засыпающую Нину. Ее веки дрожали, сдаваясь сонному ритму, в тусклом свете приборной панели лицо казалось фарфорово-хрупким и изможденным.

— Спи, Нина, — прошептал Марк, крепче сжимая руль. — Этот путь только начинается.

Нина провалилась в глубокий сон, который так надеялась подарить своим пациентам. Ей снилась мощная дельта-волна: она выплескивалась с графиков монитора Марка, становясь бескрайним океаном. И Нина плыла в его теплой прозрачной воде навстречу солнечному свету, чувствуя, как вибрация «борта» превращается в мерный шепот прибора.

Когда она открыла глаза, внедорожник уже стоял у её дома. Сквозь прогретое прозрачное стекло Нина увидела Марка: он медленно бродил вокруг машины, оставляя следы на хрустящем снегу. В сугробе рядом была вычерчена мощная синусоида, испещренная штрихами и цифрами. Марк чертил свою «физику», превращая снежный наст в полотна сложных чертежей.

— Боже! — воскликнула Нина. — Сколько я уже сплю? Почему ты меня не разбудил?

Марк приоткрыл дверь, в салон ворвался свежий морозный воздух, мгновенно вытесняя уютное тепло.

— В машине стало слишком тесно для одной идеи. Ты спала 90 минут, Нина, — спокойно произнес он, поправляя воротник пальто. — Один полный цикл. Твой мозг работает на частоте, которой позавидовал бы суперкомпьютер. Я не мог прервать этот процесс.

— Прости, Марк. Тяжелый день, сама не понимаю как так вышло.

— Не извиняйся — это все «Дельта», Нина. Ты дала мне возможность додумать формулу в морозной тишине на свежем воздухе. Мы в расчете. Я напишу тебе завтра.

Он проводил её до крыльца. Нина обернулась: красные огни его джипа, исчезающие в лабиринте улиц, напомнили ей хвост одинокой кометы. Но теперь она знала — в этом огромном холодном городе она больше не одна. Там, на Силикатном, в бетонной пещере среди медных катушек, был кто-то, кто прямо сейчас думает о её цифрах.

Глава 2. Подключение к «Рубикону». Двойной порт

Утром Нина проснулась со свежими мыслями. Открыла ноутбук, налила кофе. Голова работала четко и ясно. Она еще раз прочла статью Марка, вспомнив его теплые глаза за лдынями очков и ироничную улыбку. Все, пора на работу, решительно захлопнула крышку ноутбука Нина.

Нина вошла в холл «Рубикона» ровно в 08:00. Стеклопанные двери разъехались с тихим вздохом, впуская её в мир стерильного люкса.

— Доброе утро, доктор Соколова. Вы сегодня сияете? — хрипловатый голос Тамары Игоревны раздался у стойки регистрации из подсвеченного оникса.

Директриса стояла в крахмально-белом халате, потягивая кофе из крошечной фарфоровой чашки с тонкой позолотой — «латиновая Кобра» уже была на посту, безупречная и смертоносная. Её холодный взгляд медленно скользил по Нине, словно сканер, ищущий брешь в броне.

— Здравствуйте, Тамара Игоревна. Просто хорошо выспалась, — Нина старалась, чтобы голос звучал ровно.

— Странно. Вы уверены, что не нарушаете наш корпоративный кодекс относительно стимуляторов? — Тамара Игоревна подошла ближе, и запах тяжелых удушливо-дорогих духов взорвал обонятельную кору мозга Нины. — Вчера вы выглядели как побитая собака из-за долга по кредиту, а сегодня заходите в клинику так, будто выиграли тендер на поставку оборудования.

Нина до боли сжала ремешок сумки, в которой лежала флешка. Она знала, что сегодня станет безжалостным диверсантом в этом лагере безупречных стандартов и абсурдных протоколов.

— Я пересмотрела свое отношение к работе. Вы были правы: стандарты — это безопасность. Я все поняла этой ночью.

Тамара Игоревна прищурилась. Её взгляд, казалось, сверлил кости черепа, ища в них трещину лжи. Но в этот момент тишину холла разрезал звонок. На экране её смартфона вспыхнуло «Любимый», с парковки донесся бархатистый рокот знакомого Бентли. Лицо Тамары Игоревны мгновенно смягчилось, ледяная маска сменилась живым, почти нежным ожиданием.

— Идите работать, Соколова. Но помните: я вижу каждое ваше движение через систему мониторинга. Не разочаруйте меня снова!

Нина выдохнула только тогда, когда каблук Тамары Игоревны процокали в сторону лифта. Каждое слово лжи давалось ей с трудом, но сейчас это была её единственная надежная броня.

Нина почти вбежала в ординаторскую и заперла дверь на щеколду. Руки все еще подрагивали. На смартфоне засветилось сообщение от Марка:

«Прогнал симуляцию по твоим правкам. Щелчок бьет точно в подьём. Погрешность — ноль целых одна сотая. Мы чьёровы гении, Нина! Нужно встретиться сегодня».

«У моего дома в 20:30. Жду», — быстро набрала Нина.

— Алгоритм работает, — прошептала Нина, прижимая холодный смартфон к груди. — Нужно выгрузить сомнограмму из триста второй. В ней зашит личный код профессора. Его ключ к выздоровлению.

Нина лихорадочно представляла, как уже сегодня вечером пропустит его данные через свой алгоритм, чтобы сделать протокол стимуляции для профессора. А сейчас за десять минут ей нужно сгенерировать SSH-ключ, который свяжет компьютер профессора с удаленным сервером Марка и сохранить его на флешку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.